

Опубликовано: *Богачева М.В.* Имена собственные в образовательном пространстве языков и культур // Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет: Материалы III Междунар. науч. конф. (10-14 мая 2006 г.) / Варшав. ун-т. Варшава, 2006. С. 183-191.

Богачева М.В.
Россия

Имена собственные в образовательном пространстве языков и культур

Рамки понятия «культура» до сих пор не определены, что позволяет трактовать его и предельно узко, и предельно широко. В последнем случае можно говорить, что носителями различных культурных наслоений оказываются представители не только разных народов, но и одного этноса. Актуализируется понятие «субкультура», а далее – представление о коммуникации между относительно замкнутыми культурными прослойками. Такие коммуникативные связи могут и должны находить отражение в образовательных программах.

В последние годы в России данный тезис реализуется, в частности, в требовании регионального компонента в образовании. Здесь очевидно осознание связи частного и общего в процессе становления культуры и развития цивилизации, в том числе – в процессе формирования фундамента единой культурной среды в социуме и в процессе приобщения к ней изучающих данный язык как иностранный.

В качестве источника богатого материала для работы в указанном направлении мы рассматриваем имена собственные (далее – ИС, онимы), образующие систему ряда региональных подсистем. В настоящем случае будем опираться на факты, фиксируемые преимущественно в Пермском крае (Верхнее и Среднее Прикамье, Россия).

Изучением русских ИС занимались десятки лингвистов, и среди них велико количество тех, чье имя навсегда осталось в истории ономастики: Б.-О.Унбегаун, В.А.Никонов, О.Н.Трубачев, Н.И.Толстой, Г.П.Смолицкая, Н.В.Подольская, А.К.Матвеев, А.П.Дульзон, Ю.И.Чайкина и мн. др.

Неоднократно лингвисты обращались к изучению ИС в рамках проблем лингвистического краеведения. В частности, изучением региональной специфики онимов Верхнего и Среднего Прикамья занималась А.С.Кривошекова-Гантман, автор многочисленных публикаций по изучению географических названий (топонимов) коми происхождения. Е.Н.Полякова, профессор Пермского госуниверситета, исследует главным образом пермскую антропонимию (личные именованья людей), преимущественно по данным памятников письменности. Одним из основных результатов многолетнего труда ученого стал недавно опубликованный «Словарь пермских фамилий», где этимологизированы фамилии жителей региона XVI-XVIII вв. В настоящее время Е.Н.Поляковой ведется работа над топонимическим словарем. Антропонимия и топонимия Пермского края XX-XXI вв. изучается преимущественно учениками Е.Н.Поляковой — О.В.Гордеевой, Н.В.Медведевой, Т.А.Сироткиной и др.

ИС становятся материалом для научных статей, диссертаций, словарей, для студенческих работ.

Несмотря на их очевидную ценность для научных изысканий и для учебной работы, онимы фактически обходят стороной в учебном процессе. Практически учащиеся сталкиваются с ними лишь в начальной школе в связи с необходимостью запомнить орфографическое правило: имена собственные пишутся с прописной буквы. Мы же считаем целесообразным использование имен собственных в ходе всего курса обучения (и в средней, и в высшей школе), причем не только собственно русских школьников и студентов, но и тех, для кого русский не является родным. В настоящей публикации мы преследуем цель осветить ряд (мы не вправе претендовать на всеохватность!) аспектов, делающих имена собственные привлекательным учебным материалом. Рассмотрим для этого каждый из таких аспектов поочередно.

1. Онимы отражают языковые процессы.

Язык, как известно, сравним с живым организмом, в котором не прекращаются процессы обновления. Но имена собственные в силу целого ряда причин более статичны, чем имена нарицательные, вследствие чего значительно менее подвержены последующим за их возникновением языковым трансформациям. Примером служат русские фамилии, рассматриваемые с точки зрения орфографии: так, фамилии с основой на шипящий согласный обычно имеют двойной стандарт написания – «старый» с суффиксом *-ев* и «новый» с суффиксом *-ов/-ёв* (ср.: *ЧернышЕв* и *ЧернышОв*, *ЧернышЁв*, *ДомрачЕв* и *ДомрачЁв*, *КолычЕв* и *КолачЁв* и под.). Мы видим, что второй вариант, в отличие от первого, отражает общерусский процесс перехода *е* в *о* в позиции ударной после мягкого согласного перед твердым вследствие тенденции к перетягиванию ударения на последний слог в слове.

В силу той же статичности онимы могут отражать очень древние языковые явления, в том числе те, что для языка в его современном состоянии уже неактуальны, например: явление диссимилиации в сочетании *чн* в русском языке (ср.: *Кадочники*, *Кадочникова* и *Заволошная*, *Кадошников*, *Колпашников*); переход начального *е* в *о* (ср.: д. *Омелина* < Омеля < Омельян < Емельян) при его сохранении в отдельных случаях, обычно в фамилиях и в топонимах, образованных от фамилий (ср.: д. *Еленева* < Еленев из *елень* ‘олень’); переход несвойственного в прошлом русскому языку начального *а* в *о* (ср.: *Овдеята* из *Авдей*; *Ашан* тюркского происхождения при сосуществующем варианте *Ошан*), иногда с полной его утратой (ср.: выс. *У Александра* из *Александр*) либо возникновением начального протетического согласного (ср.: выс. *Вольхняк* из *ольха*); устранение зияния (ср.: *Кириянова* из *Кириан*; *Каурова* и *Ковурова*) и сочетания заднеязычного *к* с *ј* (ср.: *Лукоянова* из *Лукьян*); упрощение группы согласных, в частности утрата взрывного при стечении согласных (ср.: *Кишерка* из р. *Кишертъ*) или утрата смычного согласного в абсолютном конце слова (ср.: *Нифон-Мыс* из *Нифонт*, но *Нифонтово*); ассимиляция согласных (*Атняшка* < р. *Атняж*; *Уские*); морфонологическое явление усечения производящей основы (ср.: р. *Талачик* > *Талачинский*), интерфиксации (ср.: р. *Аспа* > *Аспинский*) и др.

Рассмотренный факт, считаем, не требует комментариев, поскольку ИС, прежде всего, явление *языковое*.

2. Онимы отражают как общерусские языковые тенденции, так и региональную специфику.

Так, ИС Пермского края служат иллюстрацией ко многим северно-русским процессам и явлениям, таким как: еканье (ср.: *Тресеницын* из *трясеница* ‘лихорадка’; *Петреково* из *Петрик* (Петр), *Тресунчиково* из *трясунчик*); переход *а* в *е* в позиции между мягкими согласными (ср.: *Креж*, *Крежевая* из *кряж*, *Нерехи* из *неряха*, *Печелева* из *печаль*); переход ударного *е* на месте исконного *ять* в *и* между мягкими согласными (ср. *Сиверуха*); нейтрализация лабиальных гласных *о* и *у* (ср.: *Борондуки* из *бурундук*); мена долгого мягкого звука *и* на звук *и* долгий твердый (ср.: *Коробовишино*, *Китовишина*, *Семеновишина*, но *Бердниковищина*, *Нижняя Ярославщина*, *Петровищина*); отвердение губных в абсолютном конце слова (ср.: *Голубов* из *голубь*); чоканье (ср.: *Конеч-Бор*, *Паладевчи*, *Шаровчи*, *Паньковчи* / *Паньковцы*); стяжение в окончаниях прилагательных (ср.: *Заболотна*, *Коробейно*, *Подземляна*, *Середне*) и др.

Региональная специфика онимов объясняется тем, что они с необходимостью отражают черты тех говоров, в недрах которых зародились. Прежде чем стать фактом языка, ИС являлись фактом живой речи носителей диалекта.

3. ИС отражают не только общезыковые тенденции, но и собственно ономастические. Ономастика, будучи своеобразной системой в рамках системы языка, сама характеризуется особыми процессами. Характерно, что эти процессы нередко приобретают наднациональный характер.

К такого рода процессам мы склонны относить уже сам факт формирования системы ИС. Необходимость ориентации на местности и в сообществе себе подобных привели к возникновению языковых единиц, основная функция которых – выделение из ряда

подобных.

Рассмотрим для примера фамилии. Важно, что весьма длительное время для номинации людей использовались только личные имена и прозвища, фамильные же именованья относительно новы. Так, в Италии фамилии сформировались лишь в XI в., а у восточных славян еще позднее – примерно в XVIII в. Можно заметить: каждый народ со временем приходит к необходимости таких единиц. Данный факт мы связываем с общим ходом развития народов. Вероятно, возникновение фамилий в каждом случае обусловлено достижением определенной ступени развития социума (ступени нации), формированием государственности, становлением юридических отношений в обществе и т.п. Очевидно, что фамилия – знак, который, в отличие от других слов, не является чисто языковым. Это, прежде всего, знак социальный, свидетельствующий о принадлежности человека к определенной ячейке общества – семье.

Относительно географических наименований также можно отметить «общую» собственно ономастическую тенденцию – тенденцию трансформации многословных ИС в однословные. Так, при повседневном общении почти не используются трехчленные антропонимы (имя – отчество – фамилия), которые имеют ярко выраженную официальную окраску. Предпочтителен лишь один из компонентов – имя, и чаще – в сокращенной форме.

Разные способы проявления тенденции демонстрируют топонимы Пермского края. В ряде случаев на основе многословных наименований возникали однословные путем утраты одной из частей словосочетания: *Ивановские Кулиги* > *Ивановская*, *На Нерослом Поле* > *Нерослое*. Помимо этого, полилексемные наименования подвергались изменениям с образованием нового слова путем префиксации: *Под Шилихой* > *Подшилиха*, *Под Высокой Горой* > *Подвысокая Гора*. Проявляется она и в утрате грамматической связи между элементами названия, что мы рассматриваем как переходный этап (ср.: *За Мысы*, первоначально – *За Мысом*, возможный последующий оним – *Замыс*).

Для подобных ИС, находящихся в процессе трансформации, характерно сосуществование различных способов написания: а) раздельно и через дефис, ср.: *Вверх По Вильве*, *Выселок При Мельнице*, *Горяны У Паньковки*, *Хутора По Тракту*, но *Сидорова-Из-Подвыволока* (различия в написании поддерживаются наличием иноязычных по происхождению топонимов типа *Амзе-Баш*, *Узун-Ялан*, *Ылы-Кул* и полукалек вроде *Сухой Ключ / Кэз-Ключ*), б) раздельно, через дефис и слитно, ср.: *За Болотом* и *Залетовой* (< *Летовой Евдокии*), *Ново-Питкина* и *Старосельская*, *Меж-Шермейка* и *Межердвинская*. Кроме того, отмечаются случаи написания через дефис частей возможных словосочетаний (*Галкино-Городище*, *Горохово-Займище*).

В наименовании краевого центра *Пермь* также наблюдается процесс трансформации полилексемных названий. Согласно одной из версий, *Пермь* происходит из вепского *pera таа* ‘земля задняя’ [1, 86].

Причины указанного явления очевидны, и имеют они экстралингвистический характер: для исконных наименований это утрата ассоциативных связей, для заимствованных – их отсутствие.

4. Известна теснейшая связь ономастики с историей.

В ИС отражаются, например, процессы миграции и взаимодействия народов. Так, в Пермском крае гидронимия, т.е. названия водных объектов, свидетельствует: исконным населением в Прикамье были представители пермской и угорской групп финно-угорской языковой семьи. На всей территории распространены названия с формантами, по происхождению коми (*Ласьва*, *Пильва*, *Мытчер*, *Шотчер*, *Синя-Шор* и др.), частично – удмуртские и мансийские (*Гучуншур*, *Акчим*, *Волим* и др.). Действительно, финно-угры – субстратное население. Лишь с XV в. их стали активно вытеснять русские и турки, вследствие чего теперь коми проживают лишь на северо-востоке края, немногочисленные удмурты – на юге. Северо-запад, центр и юг заняты преимущественно русскими и татарами.

Иным, не менее ярким примером является отражение в географических ИС Пермского края событий 1917 г. Исследования показывают, что при образовании новых наименований

использовались по преимуществу традиционные модели, в том числе с формантами -к(а) (*Клеверка, Кургановка, Кибановка*), -ов/-ев (*Антропово, Юшков, Калтаева, Малышева*), -ин (*Антипина, Кочегина, Жуклино*), -их(а) (*Желобиха, Лобаниха*), -и/-ы (*Беляки, Выгорки, Мысы*), усть- (*Усть-Вишерка, Усть-Песчанка*) и др. Вместе с тем, названия населенных пунктов со всей очевидностью демонстрируют подвижки, произошедшие в обществе и в сознании людей, в частности – в лексиконе, ср. такие названия поселений, возникших в первое десятилетие после Октябрьского переворота: *Будильник, В Единении Сила, Виктуар, Возрождение, Восход, Вперед, Европейская, Заря, Заря Труда, Знак, Идеал, Интернационал, Коллектив, Коммуна, Красная Звезда, Красный Пахарь, Красный Урал, Крестьянин-Коммунист, Культиватор, Культура, Культурный Уголок, Культуровка, Молодой Путеводитель, Монета, Нижняя Свобода, Новая Жизнь, Октябрьский, Отрадный, Победа, Прогресс, Пролетарский, Пролетарский Пахарь, Проснись Бедняк, Рассвет, Светлый Путь, Свобода, Свободы, Северный Коммунар, Советское Земельное Общество, Совхоз, Третий Интернационал, Триумф, Трудолюбие, Труженик, Тысяча, Юный Сентябрь* и под.

Необходимо констатировать, что традиционно наименования поселений характеризуют особенности расположения последних либо (посредством прозвищ, лежащих в их основе) особенности первопоселенца, физические, психические, социальные. Указанные же названия подчеркивают идеологические убеждения основателей населенных пунктов, их стремление к какому-либо идеалу и т.д.

В ойконимах нашли отражение качества, необходимые строителю нового общества (*Трудолюбие*), его чаяния и устремления (*Идеал, Культура, Надежда, Образцовый, Возрождение, Красота Жизни*). Не случайно, конечно, большое количество названий связано с понятиями «труд» и «красный»: *Труд, Заря Труда, Утро Труда, Труженик, Трудовой, Трудолюбие; Красный, Красный Пахарь, Красный Восход, Красный Уголок, Красный Восток, Красный Луч, Красная Звезда, Красный Октябрь, Красный Орел* и др. Наименованиями населенных пунктов становились революционные призывы и лозунги: *Вперед, Проснись Бедняк, В Единении Сила*.

Пермская ойконимия «обогадилась» лексемами необычными, звучными, иногда поэтичными, но совершенно чуждыми топонимической системе. К числу таких наименований относятся как исконно русские, так и заимствованные по происхождению слова: *Будильник, Знак, Прихожая, Самолет, Молодой Путеводитель, Юный Сентябрь, Культиватор, Виктуар, Мираж, Венера, Марс, Юпитер*.

Для новых ойконимов (названий поселений) характерна смена функции компонентов наименований, в том числе одного из самых частотных — компонента *красный*. Например, название *Красная Гора*, имевшее место и до революции 1917 г., является локативным и свидетельствует о том, что поселение находится на *красной горе* или рядом с ней. *Красный* в данном случае равнозначно понятию *глинистый* (с актуализацией характеристики такой почвы по цвету). В противовес этому название *Красная Звезда*, принадлежавшее населенному пункту, который был основан в 1924 г., отражает символ советской эпохи и является окказиональным в традиционной топонимической системе.

Показательна история идеологизированных онимов. Наиболее жизнеспособными оказались ойконимы, созданные традиционными способами: так, несмотря на комичность наименования, еще в 1982 г. существовало поселение, возникшее в первые годы Советской власти и носившее название *Культуровка*. Иные же, вследствие утраты ассоциативных связей, со временем испытывали разного рода трансформации. Так, например, выселок *Заря*, возникший в 1924 г., со временем стал одним из микрорайонов г. Чайковского (ныне районный центр); более того, возникла *Заря-I / Первая* (с многоквартирными постройками) и *Заря-II / Вторая* («частный сектор», бывший выселок), а в обиходной речи жителями города используется понятие «*Третья Заря*», обозначающее городское кладбище.

Сказанное позволяет рассматривать и ИС как источник косвенной информации о жизни наших предшественников.

5. Существует непосредственная связь ономастики с географией.

В частности, в топонимах могли отражаться физико-географические особенности места расположения населенных пунктов (*Горная Шушпанка, Полевой*), гидрообъектов (*У Кривого Озера*) и т.п., особенности воды в гидрообъекте (*Поганиха, Студеный Ключ*), рельефа (*Логоватый, Белые Камни*), почвы (*Красный Берег, Черная Грязь*), растительности (*Ветлянка, Кленовка*) и т.д.

В Пермском крае многочисленны географические наименования с компонентом *камень* (*Дежкин камень, Помяненный камень, Полудов камень / камень Полуд, Дыроватый камень, Камень, Володин Камень, Сергиев Камень*). Более того, это старое название Уральских гор – Камень, или Уральский Камень. Иначе говоря, общерусское значение указанного слова – ‘всякая твердая, нековкая горная порода в виде сплошной массы или отдельных кусков’, ‘отдельный кусок такой породы’ [2, 23], в пермской же ойконимии отражаются другие значения данного слова – ‘гора’, ‘скала’, ‘обнажения горных пород’ и под. Характерно, что распространены подобные названия в северо-западной части края. Факт закономерен: это предгорья Урала. Возникновение же новой семантики обусловлено древними связями русских с манси: в языке последних для обозначения гор, скал и т.п. используется понятие *нёр* ‘камень’, которое и было воспринято в виде кальки контактировавшими с манси русскими [см.: 3; 4].

6. Онимы отражают культурные традиции народа-номинатора.

Данный факт мы усматриваем, в частности, в особенностях использования фамилий. Так, у большинства народов принято, чтобы женщина, выходя замуж, меняла так называемую «девичью» фамилию на фамилию мужа. Вероятно, в этом случае именование служит не только социальным знаком вхождения женщины в другую семью; ср. с тем фактом, что в некоторых русских деревнях девушка после венчания принимала не только фамилию, но и личное имя мужа (например, Василий Митрофанов). Так, на наш взгляд, отражается подчиненное положение женщины в обществе.

Любопытно и сравнение специфики функционирования фамилий у восточных и у западных славян. Первые, как известно, имеют фамилии с формантами -ин, -ов/-ев независимо от пола (ср.: *Зябликов* и *Зябликова*). У чехов же суффиксом -ов/-ев обладают формы только женского рода (ср.: *Vašek* и *Vašekova*). Можно предположить, что и это обусловлено традициями. Русские, как известно, всегда жили «миром», селились большими семьями: в одном доме сосуществовало несколько (три-четыре и больше) поколений. Естественно, что все это «родовое гнездо» наделялось общим наименованием. Возможно, для чехов семья – это нечто иное: *одну* семья (одну «ячейка общества») составляет *одна* пара? Соответственно, в первом случае фамилия – сигнал о принадлежности одному «клану», во втором – о принадлежности мужчине, с которым образуется одна социальная единица.

Культурные, ментальные подвижки также сказываются на именнике. Очень показательны, что в последнее время русские женщины значительно чаще, чем раньше, сохраняют в замужестве девичью фамилию. В Польше же, например, отмечены (хотя и единичные) случаи использования женщинами мужской формы на -ski (вместо -ska). Изменение статуса женщины в современном обществе (вероятно, под влиянием феминизма) очевидно.

7. Отмечается тесное взаимодействие топонимов и антропонимов. Очень большое количество названий населенных пунктов является производным от прозвища либо фамилии первопоселенца. В свою очередь, значительное количество современных фамилий сопоставимо с данными списков поселений. Например, жителям края свойственны именованья *Баженов* (от прозвища Бажен ‘привередник; тот, кто любит, чтобы выполняли его прихоти’ [6, 34]), *Кульбиков* (от прозвища Кульбик; в пермских говорах кульбик – ‘гриб валуй’ [6, 203]), *Кушпелев* (от прозвища Кушпель из коми *куш* ‘голый’ и *пель* ‘ухо’ либо из русского, возникшего на его основе, – ‘неповоротливый, медлительный в работе человек’ [6, 207]), *Пермитинов* (от прозвища Пермитин ‘выходец из Перми Великой – Чердынской земли’ [6, 290]), *Пермяков* (от прозвища Пермяк ‘человек коми-пермяцкой или коми-

зырянской народности' [6, 290]), *Русинов* (от прозвища Русин 'человек с русыми, светло-коричневыми волосами' либо 'русский человек' [6, 328]), *Челпанов* (от прозвища Челпан из коми 'каравай', отсюда русское 'крупный, полный человек', а также 'глупый человек' [6, 412]). И ср.: д. *Баженова*, д. *Кульбики* (*Кульбяков*), д. *Кушпелево* (*Кушпелева*), д. *Пермяки*, д. *Пермяков*, д. *Пермякова*, д. *Пермяково*, д. *Пермяковка*, выс. *Пермяковский*, д. *Пермячата*, д. *Пермитина*, д. *Русинова*, д. *Малый Русинов*, д. *Челпанова* (*Челпанов*), д. *Челпановский*.

Указанный факт способствует уточнению этимологий. Например, исследование Е.Н.Поляковой показало, что в основе ойконимов *Ляды* и *Новые Ляды* «лежит некалендарное имя или прозвище Ляд, возникшее из нарицательного слова ляд 'нечистый, черт', а не какой-либо географический термин с этим корнем» [7, 216]. Названия восходят к именованию первопоселенца – Матюшки Лядова, который упоминается в памятнике 1623 г.

Полагаем, учет факта соотнесенности топонимического и антропонимического пластов мог бы способствовать исследованию путей миграции на пермских землях, поскольку топонимы в сравнении с антропонимами характеризуются территориальной привязкой и большей устойчивостью. Следовательно, это могло бы также послужить основанием для изучения учащимися истории собственной семьи.

8. Онимы привлекательны для сферы туризма как способа изучения края.

Считаем, что туризм является едва ли не основным средством, способным стимулировать интерес учащихся к географии и истории родного края. Знание этимологии названий, их связи с судьбой названного объекта вызывает особый к нему интерес и желание лично удостовериться в истинности получаемых сведений. Действительно ли пещера *Дивья* (из диалектного *дивий* 'лесной, дикий' [5, 435]) находится в очень труднодоступном месте? Действительно ли на горе (*камне*) *Полюд* остался след от ноги богатыря Полюда, чье дозорное укрепление находилось на этом месте, одном из самых высоких в окрестностях Чердыни – Перми Великой? Действительно ли эхо камня *Говорливого* имеет целых семь «этажей» (сказанное повторяется семь раз)? Не обнаружатся ли следы камланий на *Помянном* камне? Как выглядят творения первобытных художников в пещере *Писаного* камня? И т. д.

9. Обращение к этимологизации наименований (личных, географических) вызывает и поддерживает неподдельный интерес к ономастическим данным. Неизменно любопытство вызывает вопрос о происхождении своей (и не только) фамилии, известных (и не только) населенных пунктов, рек, озер, гор и т.п. Тем самым обращение к онимам как к учебному материалу не требует дополнительной мотивации. Привлечение ИС в качестве иллюстраций способно вызывать и поддерживать интерес к основному материалу.

Даже в результате такого поверхностного освещения специфики ИС можно утверждать: они могут послужить богатым иллюстративным материалом при изучении самых разнообразных тем. ИС – факт не только чисто языковой, но и социальный, исторический, географический и т.д. В силу этого онимы отражают различные языковые явления и могут быть привлечены при изучении форм бытования русского национального языка, фонетики, графики, орфографии, особенно при изучении диалектных явлений. Важно обращение посредством ИС к фактам истории, к особенностям взаимодействия, сосуществования разных народов в условиях многонационального сообщества. В силу непосредственной связи с географическими условиями номинации большое значение приобретает задача сопутствующего ознакомления учащихся с географией родного края. Посредством онимов возможно обращение к культурологическим проблемам. Содержательное богатство позволяет использовать ИС в рамках не только лингвистических, но и смежных (гуманитарных) дисциплин.

Привлечение к учебному процессу ИС способствует подготовке разносторонне развитых, эрудированных специалистов. В ходе изучения языка ИС поддерживают интерес к культуре и истории края, и в целом – страны. Однако данные ономастики и смежных с ней дисциплин (например, краеведения, этнографии, лингвострановедения) содействуют не

только обогащению и систематизации знаний, но и развитию толерантности в многонациональном, «поликультурном» социуме.

Таким образом, имена собственные имеют право на то, чтобы занять достойное место в образовательном процессе.

Литература

1. Кривошекова-Гантман, А.С. 1973. «Откуда эти названия?». Пермь.
2. «Словарь русского языка». В 4 тт. 1982. Т. 2. Москва.
3. Полякова, Е.Н. 2004. «Об отражении в пермской топонимии результатов взаимодействия разных языков». В: «Межкультурная коммуникация»: *Межвузовский сборник научных трудов*. 3-8. Пермь.
4. Богачева, М.В. 2002. «Географическая лексика как объект междисциплинарных исследований: к вопросу о создании туристических путеводителей по Пермской области». В: «География и регион. VI. Туризм и туристический сервис: региональные аспекты»: *Материалы Международной научно-практической конференции*. 114-117. Пермь.
5. Даль, В.И. 1997. «Толковый словарь живого великорусского языка». В 4 тт. Т. 1. Санкт-Петербург.
6. Полякова, Е.Н. 2005. «Словарь пермских фамилий». Пермь.
7. Полякова, Е.Н. 2005. «Слова с корнем *ляд* в пермской лексике и ономастике». В: «Филологические заметки: *Межвузовский сборник научных трудов*. 209-218. Пермь-Люблина.